
Том 1
Пепел и Сталь
Хроника тысячелетий
18+
SherlockSQ

SherlockSQ .

Том I. Пепел и Сталь: Хроника Тысячелетий

https://litres.ru/74746397
SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если империя пала не от удара извне, а сожрала сама себя?

1935 год. Германия сдается без боя. Сталин создает первых клонов, чтобы обрести бессмертие, но запускает механизм паранойи, который сожжет мир дотла.

2500 год. В руинах Москвы уцелевший сервер пробуждает Алексея Воронова. Перед ним разворачивается история агонии: ядерный апокалипсис, корпорации, заменившие Бога, и клоны, истребляющие друг друга. Человечество отказывается от плоти ради кремния, а затем ради вечных кристаллов.

Это архивная хроника падения Вавилона длиной в пять тысячелетий. История о том, как люди пытались спасти мир, создавая машины, и к чему это привело. Хроники родов, тайны клонов и секреты Синдиката.

От альтернативной истории 1935 года до конца всей Вселенной.

SherlockSQ .
Том I. Пепел и Сталь: Хроника Тысячелетий

ТОМ I. СУДНЫЙ ДЕНЬ (1935–2026)

ПРОЛОГ 1. Тень, которая поглотила мир

Я не помню, как это началось. Меня тогда ещё не существовало.

Но я прочитал каждый архивный файл. Я изучил каждую сводку. Я видел каждую фотографию, сохраненную в серверах. Я знаю, как это было.

Не с ядерных грибов. И не с марша легионов. Всё началось с тишины.

Восьмого декабря 1935 года Германия просто замолчала. Радиостанции Берлина выдали сухой щелчок и отключились. В центре Европы образовался вакуум, в который хлынула тьма.

И эта тьма курила трубку. Она пахла крепким чаем и

мокрой шерстью. Она смотрела на карту мира из своего кремлёвского кабинета, и в её глазах не было ни злобы, ни радости. Только холодный, математический расчёт.

Я видел, как падал Вашингтон. Видел, как рушится старый порядок. Видел, как человек, возомнивший себя богом, начал печатать себя в лабораториях. Миллионы копий. Миллионы теней. Каждая с его памятью, каждая с его паранойей. Они заполнили мир, как саранча, и мир захлебнулся в собственной крови.

Я не мог их остановить. Тогда меня ещё не существовало.

Но я всё записал. Каждую деталь. Каждую смерть. Каждую ошибку. Потому что история этого мира — это история падения Вавилона. И я расскажу её вам с самого начала.

КНИГА 1. КАПИТУЛЯЦИЯ (1935–1941)

Глава 1. Тень на стене

8 декабря 1935 года. Берлин, пригород Панков.

Снег валил третьи сутки. Он залеплял окна, превращая мир за стеклом в сплошное серое месиво. Дитер Кальтенбах

стоял у стены своей мастерской, сжимая в руке остывшую чашку с эрзац-кофе. На стене висела карта Европы. Старая, еще довоенная, с границами, которые уже три года как были стерты из всех официальных атласов.

Он не сводил с нее глаз. Карта — это не про географию. Это про память.

За окном раздался лязг. Дитер вздрогнул, расплескав бурду на манжету рубашки. По улице, мимо его дома, шли танки. Тяжелые, с крестами на броне — но кресты были грубо замазаны серой краской. А следом, проваливаясь в мокрый снег, тянулась колонна пехоты.

Они не пели. Не кричали. Они просто шли. Молча.

«Вчерашние мальчишки, — подумал Дитер. — Им бы в университетах учиться, а они бредут в эту серую кашу».

Германия сдалась. Не проиграла в тяжелой битве, не пала под ударами превосходящих армий. Она просто замолчала. Три дня назад генералы вермахта, поняв, что фюрер ведет страну к неминуемой катастрофе, совершили тихий переворот. Гитлера нашли мертвым в бункере рейхсканцелярии — говорили, он раскусил ампулу с цианидом. А утром по радио объявили о безоговорочной капитуляции перед Москвой.

«Позор», — сказал тогда сосед снизу, старик Келлер. И закрыл дверь.

Дитер поставил чашку на стол. Ему было двадцать девять, но он чувствовал себя стариком. Два года назад, когда нацисты начали закручивать гайки, он понял, что его ждет. Он не был евреем, но был инженером, который привык думать своей головой. А новая власть этого не прощала.

Тогда он пошел на сделку с совестью. Продал все свои патенты на системы связи военному ведомству за баснословные деньги. А вырученное — до последней марки — отдал подпольной швейцарской клинике в Женеве. Это была чистая научная ересь. Сыворотки на основе стволовых клеток, гормоны животных, экспериментальная регенерация. Каждые полгода он тайно ездил туда, и каждые полгода у него начиналась дикая лихорадка. Судороги сводило так, что он едва мог разжать челюсти, а кожа покрывалась волдырями. Боль была адская. Но он знал, что именно эта боль замедлит его старение. Он планировал свой путь на десятилетия вперед. Он знал, что ему предстоит пережить всех этих генералов.

Теперь его лаборатория была опечатана сургучом. В комендатуре ему сказали: «Вы свободны. Но не покидайте го-

род».

Дитер подошел к столу. Среди чертежей и мусора лежал старый блокнот с пожелтевшими страницами. Он открыл его на первой странице и перечитал запись, сделанную три года назад, в ночь, когда Гитлер пришел к власти:

«Я не политик. Я не солдат. Я инженер. Моё дело — строить, а не разрушать. Но я вижу, как мир разрушают те, кто должен был его строить. И я не знаю, что с этим делать».

Дитер взял перьевую ручку. Окунул перо в баночку с чернилами. Они были густыми, черными, как смола. Он добавил:

«Сегодня Германия сдалась. Не проиграла — сдалась. Просто открыла двери и сказала: „Входите“. Я не знаю, что теперь будет. Но я знаю, что это только начало. Тот, кто заставил нас сдаться, не остановится на Германии».

Он захлопнул блокнот. Ручка оставила на его пальцах чернильное пятно. Он потер его о штанину, но оно осталось. Как клеймо.

— Дитер?

В дверях стояла Эльза. Его жена. Она была бледной, как бумага, и куталась в старую шерстяную шаль, хотя в комнате топился камин. В руках она комкала платок.

— По радио. Только что. Сталин выступил с обращением.

— Что он сказал? — Дитер даже не обернулся.

— Он сказал... — Эльза сглотнула. — Он сказал, что Германия — это «первая ступень». И что скоро весь мир узнает, что такое «настоящая свобода».

Дитер медленно повернулся. Он посмотрел на её дрожащие руки. На её испуганное лицо. Он понимал, что не может её защитить.

— Собирай вещи, — сказал он. Голос звучал глухо. — Только самое необходимое. Мы уедем в Швейцарию. У меня остались связи в клинике.

Он знал, что они не успеют. Границы уже перекрыты. Но он должен был это сказать. Он снова достал блокнот. На чистой странице он написал:

«Если я не могу остановить тьму, я построю свет. Я создам разум, который будет умнее нас всех. Разум, который

не будет знать, что такое жадность или страх».

За окном по мостовой снова загрохотали гусеницы. Советские танки шли по Берлину. Они шли не как оккупанты. Они шли как хозяева.

Глава 2. Свинцовый туман над Берлином

8 декабря 1935 года. Берлин, Фридрихштрассе.

В двух кварталах от мастерской Дитера, в квартире на третьем этаже, Йозеф Келлер сидел в продавленном кресле. В комнате было холодно. Уголь закончился еще неделю назад, и теперь они жгли старые газеты, от которых шел едкий, удушливый запах.

Йозеф потер левой рукой правое предплечье. Старая рана, полученная под Верденом, ныла к перемене погоды. Два пальца на левой руке отсутствовали, а правого легкого не хватало половины — французская шрапнель сделала свое дело еще в семнадцатом году.

Жена Келлера, Эльза, сидела у окна. Она вязала уже третий час, хотя клубок шерсти давно закончился. Спицы монотонно постукивали друг о друга — тук, тук, тук. Этот звук сводил Йозефа с ума.

— Прекрати, — сказал он хрипло.

Спицы замерли.

За окном валил снег. Тяжелые хлопья падали на серую брусчатку, превращая улицу в кашу. По мостовой, натужно ревя двигателями, ползли грузовики. В кузовах, накрытые брезентом, сидели польские солдаты. Они не пели победных песен. Они просто смотрели перед собой пустыми, уставшими глазами.

Келлер помнил конец прошлой войны. В восемнадцатом году, когда подписывали перемирие, в воздухе висела злоба. Люди шептались о предательстве, о «кинжале в спину», о том, что они могли бы победить. Тогда немцы верили в реванш.

Сейчас в воздухе не было ничего, кроме запаха мокрой пыли и дизельного выхлопа. Германия просто выключила свет.

— Что теперь с нами будет, Йозеф? — тихо спросила Эльза, глядя в окно. — Они будут нас убивать?

— Не знаю, — ответил он. И это была правда.

Он смотрел, как мимо их дома марширует пехота. В какой-то момент из соседнего переулка показалась другая колонна. На шинелях солдат были красные звезды.

Келлер подался вперед, вглядываясь в их лица. Он ждал, что внутри него вспыхнет ярость, гнев, желание схватить винтовку. Но чувствовал лишь странное, тоскливое облегчение.

Советские солдаты шли не строем. Они шли вразвалочку, расслабленно. Один из них, молодой парень с обветренным лицом, остановился прямо под их окном, чтобы закурить. Он не оглядывался по сторонам. Он не искал снайперов на крышах. Он вел себя так, будто эта улица, этот город и вся эта страна уже принадлежали ему.

— Йозеф... — прошептала Эльза, и её рука вцепилась в его плечо.

Келлер сглотнул. Он вдруг отчетливо понял, что их жизнь — жизнь ветерана, жизнь мелкого немецкого служащего — закончилась. Прямо сейчас, в эту секунду, под этот мокрый снег.

9 декабря 1935 года. Москва, Кремль.

В кабинете Сталина было накурено так, что хоть топор вешай. На столе остывал стакан чая с лимоном, рядом лежала тонкая папка с грифом «Совершенно секретно».

Сталин расхаживал по кабинету, сцепив руки за спиной. Он остановился у окна, глядя на заснеженную Красную площадь.

— Садитесь, профессор, — сказал он, не оборачиваясь.

Профессор Иванов — худой старик в очках с толстыми линзами — опустился на край стула. Его пальцы нервно теребили пуговицу пиджака. Рядом, у двери, застыл офицер НКВД с каменным лицом.

— Я прочитал ваш отчет, — Сталин повернулся. В его руках появилась курительная трубка. Он неспешно набил её табаком. — Вы пишете, что сможете создать точную копию. Не имитацию. Человека с той же памятью, теми же привычками. Это правда?

Иванов сглотнул.

— Да, товарищ Сталин. Теоретически — да. Но есть проблема.

— Какая? — Сталин чиркнул спичкой, и в воздухе повис запах жженой серы.

— Копия будет знать, что она — копия. Психологическая девиация неизбежна. Копия может возненавидеть создателя. Может решить, что она — настоящая, а оригинал — нет.

Сталин усмехнулся. Он выпустил струю дыма и посмотрел на профессора так, как энтомолог смотрит на редкого жука, приколотого булавкой к доске.

— Профессор, — голос Сталина был тихим, вкрадчивым, отчего становилось еще страшнее. — Вы описали человека. А не копию. Любой человек, который осознает себя, рано или поздно захочет убить своего создателя. Это называется — вырасти. Вы хотите, чтобы я отказался от бессмертия? Из-за того, что моя копия будет слишком похожа на меня?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.